

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Группой молодых ученых сектора палеолита Института археологии и этнографии определена вариабельность оформления каменных орудий в ранневерхнепалеолитических индустриях Горного Алтая и сопредельных территориях. На основании проведенного анализа, подтвердившего данные ранее проводившегося технико-типологического исследования, сделан вывод об автохтонном появлении верхнего палеолита в Южной Сибири. Данные по вторичной обработке свидетельствуют о постепенной непрерывной трансформации приемов оформления каменных орудий не только в переходный период. Изменения в применении ретушных отделок начинаются в среднепалеолитическое время и продолжаются до заключительных этапов верхнего палеолита. Выделены признаки ретуши, наиболее зависящие от ситуационных и экологических факторов, и признаки, детерминированные культурной принадлежностью индустрии. По результатам исследований на ранней стадии верхнего палеолита на территории Горного Алтая подтверждено выделение двух линий развития — кара-бомовской и усть-каракольской, что свидетельствует о разных механизмах трансформации приемов ретуширования в индустриях Горного Алтая (рис. 1). Проведенные в широких географических и хронологических рамках корреляции показали принципиальное сходство некоторых комплексов Южной Сибири и Центральной Азии с алтайскими индустриями.

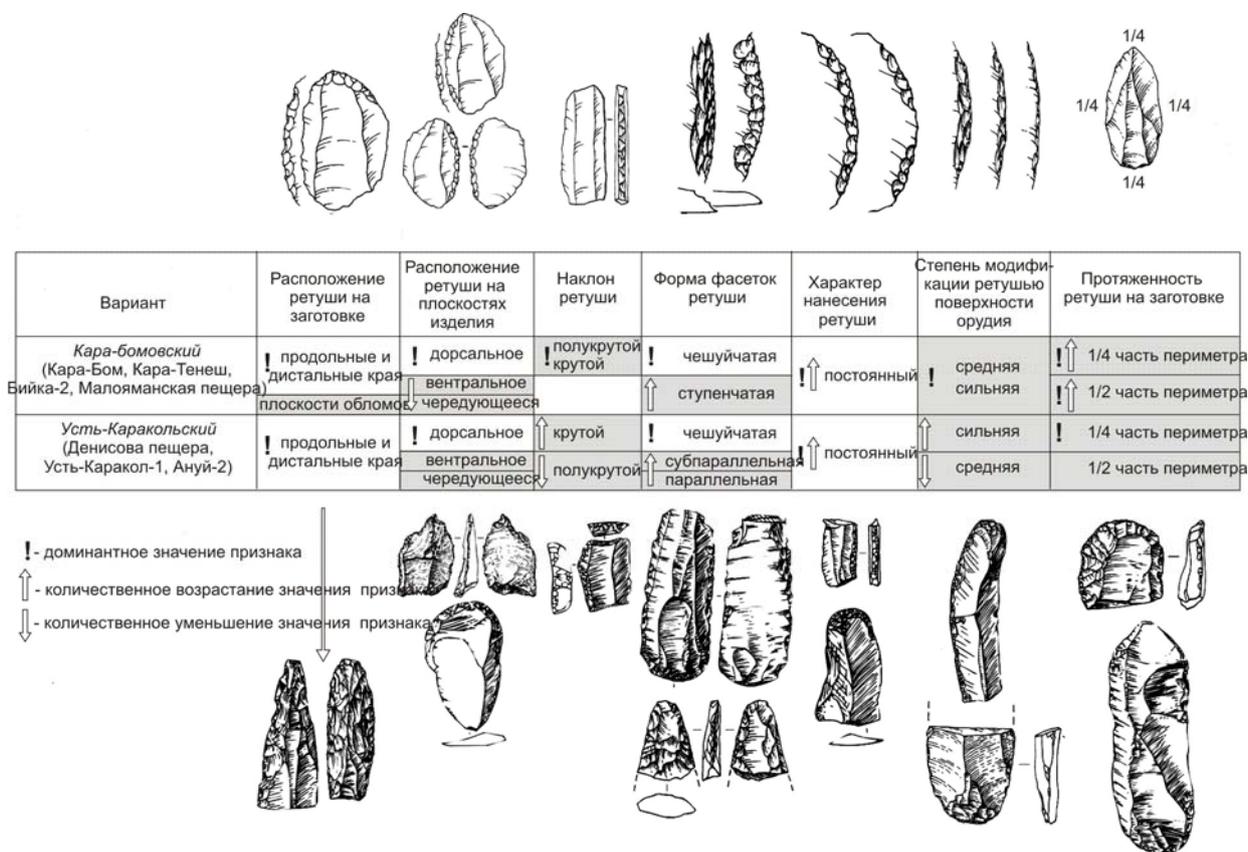

Рис. 1. Вариабельность в применении техники ретуширования при оформлении каменных орудий в ранневерхнепалеолитических комплексах Горного Алтая.

Сотрудником того же института проведен анализ предметов мелкой пластики (из бронзы, кости и т. д.), петроглифов и изображений на оленних камнях. В результате исследования появилась возможность утверждать, что в раннескифское время (IX—VII вв. до н. э.) на территории Центральной Азии существовали три традиции изображения животных (карасукская, иньская и скифо-сибирская), каждая из которых в наибольшей степени проявилась в определенных «художественных школах», развиваемых ведущими мастерами эпохи. При этом, с одной стороны, традиция понималась как информационный массив, который передает элементы социально-культурного наследия, сохраняющиеся от поколения к поколению. С другой стороны, художественная традиция выступает как определенным образом упорядоченный, точнее, организованный опыт. При этом она существенно влияет на стиль изображения, а также указывает на тесную связь образа, материала, формы и назначения предмета. Поэтому в широком

понимании этот термин можно рассматривать как традицию изготовления и «украшения» определенных предметов (или плоскости) определенными композиционными приемами, в том числе и сам процесс творчества. В этом ее коренное отличие от термина «стиль», под которым понимается просто изображение животных в определенных позах с помощью особых приемов. Предпринятый анализ художественных традиций кочевников в раннескифское время решил многие проблемы, связанные с историко-культурными процессами, происходившими в восточной части евразийского субконтинента. Выяснилось, что скифо-сибирское искусство, впитав в себя композиционные решения и схемы карасукской и иньской художественных традиций, стало основой анималистического искусства практически для всего кочевого мира в эпоху раннего железного века. Причем это направление, в отличие от предшествующих «художественных школ», являлось очень подвижной и открытой системой: распространяясь территориально, оно фиксировало не только изменение эстетических и ритуально-мифологических представлений, но и культурные взаимодействия древних народов разных регионов. По мере продвижения с востока на запад эта традиция в процессе контактов с цивилизациями Передней Азии и Причерноморья обогащалась новыми образами и стилистическими решениями и в дальнейшем развивалась уже как искусство синкретическое, все более удаляясь от своего исходного состояния.

В секторе бронзы и железа Института археологии и этнографии исследованы происхождение, датировки и проблемы распространения «геральдики» в евроазиатской степной зоне. Спецификой эпохи Великого переселения народов является повсеместное распространение в евроазиатской степной зоне единых форм украшений пояса и узды, предметов вооружения и снаряжения коня. В VI—VII вв. наибольшее распространение получает так называемая «геральдика» — предметы тюркитики, выполненные в геральдическом стиле. Феномен распространения «геральдики» и сопутствующего ей предметного комплекса на столь обширной территории впервые стал предметом специального исследования.

По мнению автора проекта, сведения письменных источников о создании Первого Тюркского каганата и о переселении авар связаны с общеевразийским распространением «геральдики». Для верификации гипотезы центрально- или среднеазиатского происхождения авар и их связи с распространением «геральдики» использовались данные различных научных дисциплин: истории, археологии и антропологии. Сравнительное изучение памятников евразийской степной зоны, содержащих «геральдику», обнаруживает идентичность всех основных типов поясных и уздечных украшений (рис. 2). Идентичность целых предметных комплексов, а не отдельных аналогий, позволяет говорить об их генетическом родстве и распространении путем прямых миграций кочевников. Этот вывод подтверждают исторические

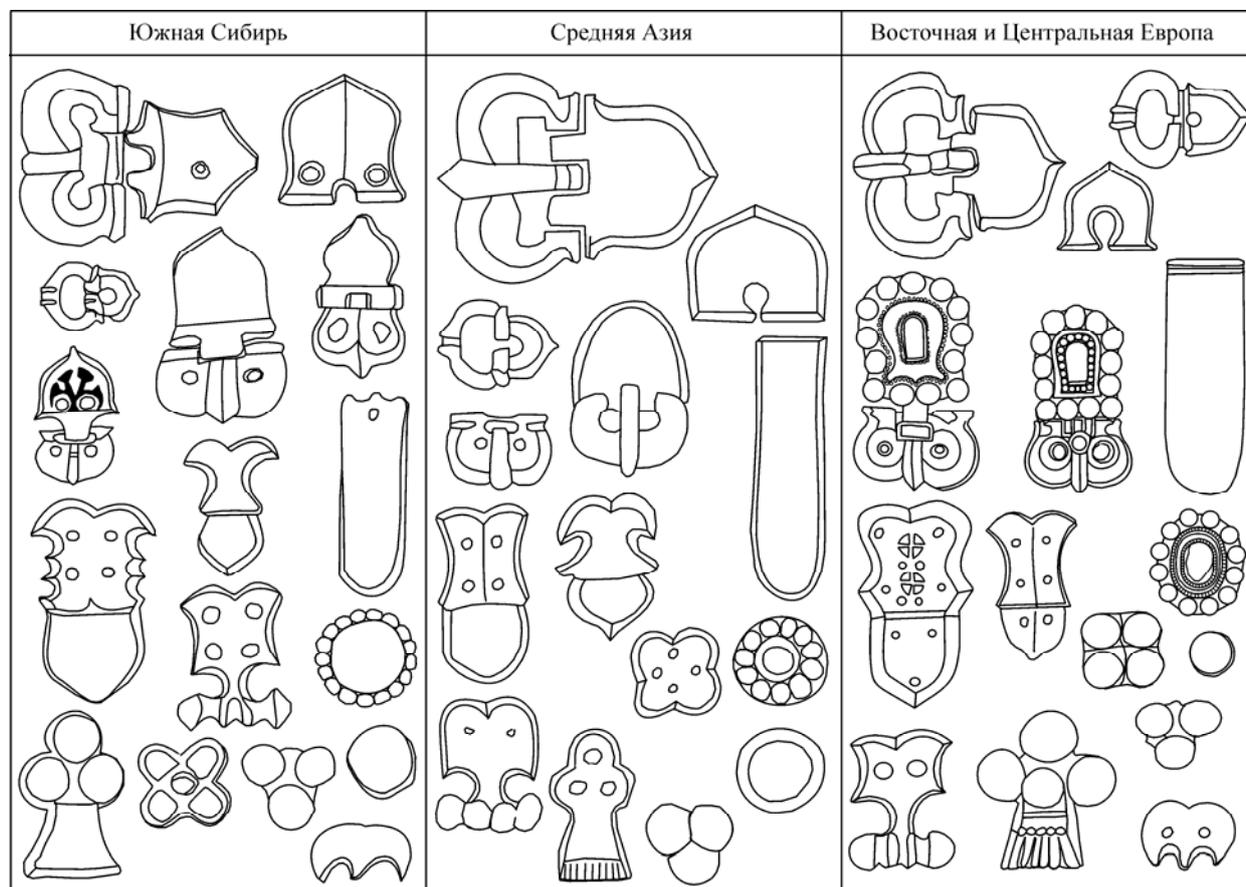

Рис. 2. Поясные и уздечные украшения, содержащие «геральдику», из разных регионов евразийской степной зоны.

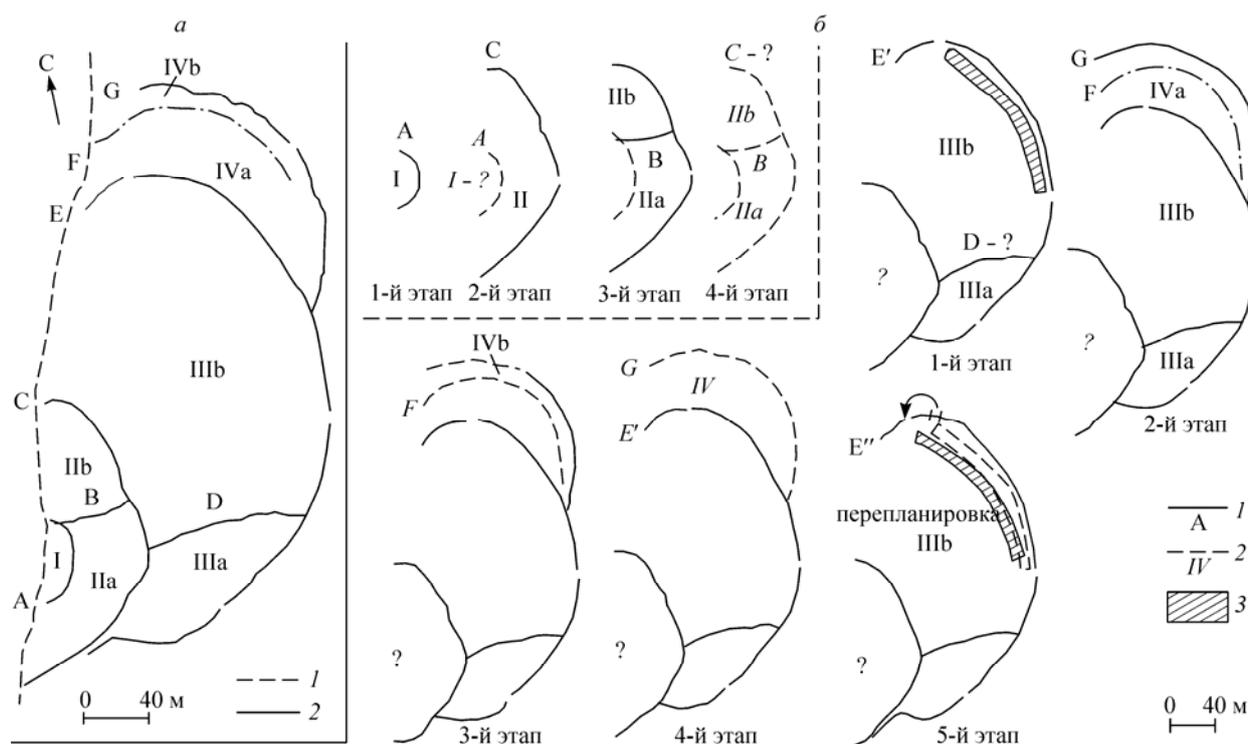

Рис. 3. Схема жилых площадок и оборонительных линий городища. 1 — край террасы; 2 — оборонительная линия; римскими цифрами обозначены жилые площадки (а). Этапы развития городища. 1 — линии обороны (площадки); 2 — жилые площадки; 3 — контуры «северной» улицы. Курсив и пунктир — заброшенные линии обороны и площадки соответственно; знак «?» — не определено время формирования или возведения (б).

свидетельства и данные антропологии.

Коллективом молодых сотрудников того же института разработаны модели культурного и пространственно-временного развития городища Чича-1. Выделены четыре основных этапа развития поселения (три первые фазы характеризуют увеличение площади городища, а последняя — уменьшение) (рис. 3). Анализ материала позволил характеризовать полученную модель как протогород. Основанием для такой социологической характеристики явились концентрация населения (от 500 до 800 человек), сложность социальной и этнической структуры, наличие развитой системы обороны (четыре фортификационные линии), выделение специализированного ремесленного (металлургического) участка на памятнике, некрополь, расположенный непосредственно за пределами жилой зоны городища.

Возникновению протогорода также способствовали благоприятные экологические условия и стратегическое положение — городище располагалось на пересечении речных и сухопутных транспортных путей. Перечисленные черты во многом соответствуют основным признакам городов древних цивилизаций Востока.

Одна из основных задач проекта — создание эффективного инструмента исследования на базе ГИС MapInfo (рис. 4). Полученная информационная система предназначена для ввода, хранения и обработки описательной и пространственной информации об археологическом памятнике и позволяет тщательно документировать и анализировать его материалы.

В секторе этнографии того же института проведено изучение этнокультурного взаимодействия восточно-славянских и финно-угорских народов Западной Сибири и европейской части России в области религиозно-мифологических представлений. В результате исследований сделан ряд выводов: 1) многие компоненты, относящиеся как к ранним мифологическим, так и к поздним развитым религиозным символам восточно-славянских и финно-угорских народов, универсальны; 2) христианская символика, гармонично сливаясь с локальными культами финно-угорского и восточно-славянского населения (проживающего в зоне интенсивного контакта с финно-угорскими народами), не стала доминирующей; в такой местности в основе народных верований лежат воззрения, восходящие к язычеству, а объектами поклонения являются природные святыни; 3) мифологические представления этнической группы под влиянием религиозных воззрений доминирующего иноэтничного окружения могут подвергаться модификации, но лишь частичной, — если новый, видоизмененный мифологический образ или обряд в чем-то созвучен со старыми традиционными представлениями и не противоречит им; 4) коми-зыряне, как и другие финно-угорские народы, тесно контактировавшие с восточно-славянским населением Европейской России и перенявшие некоторые древнеславянские традиции, лучше сохранили их (поскольку приняли

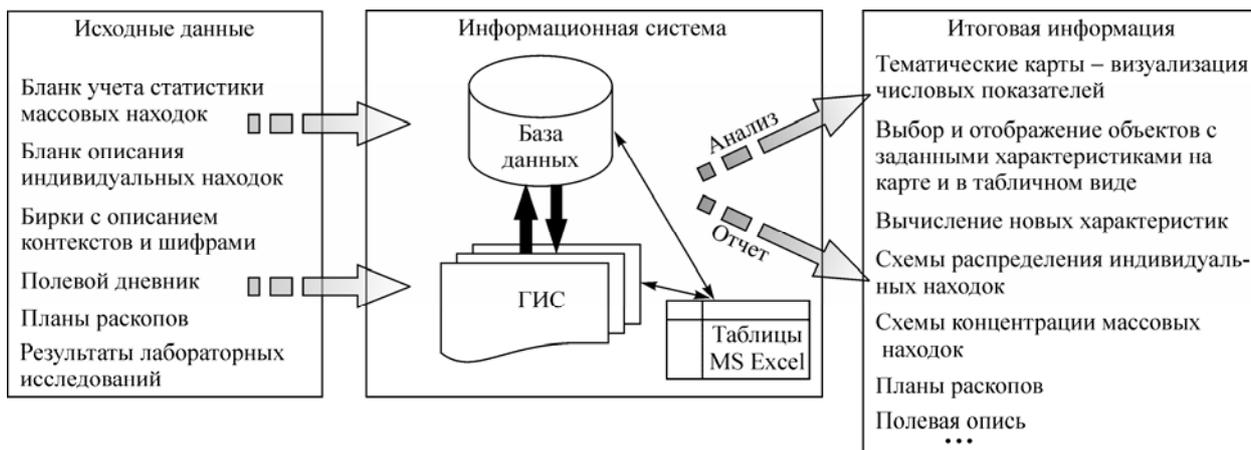

Рис. 4. Схема информационной системы памятника.

православие позже основной массы русского населения). На более позднем этапе, уже переселившись на новые земли в Западную Сибирь и снова оказавшись соседями финских народов (коми, мордвы), русские, украинцы и, вероятно, также белорусы повторно воспринимают утраченные ранее религиозно-обрядовые традиции; 5) в ряде случаев исследование финно-угорских мифологических представлений и обрядов может являться источником для реконструкции древних славянских верований, утраченных по мере распространения православной культуры.

В Институте истории ОИИФФ с привлечением большого числа источников и введением в научный оборот ряда новых документальных материалов осуществлено исследование административной, хозяйственно-градостроительной, предпринимательской и культурно-просветительской деятельности в Сибири основателя Союза Спасения и Союза Благоденствия декабриста А. Н. Муравьева (рис. 5). Сделан вывод, что в Сибири сложился управленческий стиль А. Н. Муравьева, главными чертами которого были законность, инициативность, требовательность, оперативность. Это, наряду с высокими профессионально-образовательными качествами, ставило декабриста на особое место в череде сибирских администраторов конца 1820-х — начала 1830-х гг. В основе служебной деятельности А. Н. Муравьева лежало стремление усовершенствовать механизмы государственного управления, всеми доступными мерами добиваться торжества законности и правопорядка, что напрямую связано с глубинным анализом мировоззрения декабриста. Как администратор, А. Н. Муравьев намного опередил свое время, подобные ему чиновники появятся в России гораздо позже, уже в эпоху Великих реформ.

Рис. 5. А. Н. Муравьев.

Впервые раскрыта важнейшая область исследования об А. Н. Муравьеве — тема о его христианско-философских воззрениях. Они не были для декабриста областью чисто умозрительных категорий, но, напротив, напрямую связывались им с практической жизненной сферой, в том числе с административной деятельностью и деятельностью в первых политических обществах.

В том же институте проведено исследование социально-экономической политики 18 антибольшевистских правительств востока России во второй половине 1918—1919 г. Рассмотрены законодательство и практика экономического управления, в частности, проблемы кредитно-денежной политики (влияние эмиссии на динамику инфляции и состояние денежного рынка); мероприятия по сбору налогов; формы мобилизации ресурсов с помощью рыночных и насильственных методов; деятельность органов снабжения армии и гражданского населения на востоке России; меры по усилению промышленного производства и поддержанию работоспособности транспортных путей; социальная политика; аграрные мероприятия. Анализ основных макроэкономических параметров показал, что, несмотря на совершенно иные принципы экономической политики антибольшевистских правительств, чем «военный коммунизм», наблюдаются те же самые кризисные процессы, что и в советской России, но с более медленной динамикой. Отличие заключается в том, что в условиях антибольшевистских режимов населению было легче адаптироваться в сложных и быстро меняющихся социально-экономических условиях, а государство и достаточно свободно функционировавший сектор частных общественных организаций явились важной опорой в процессе выживания.

Рис. 6. Атаман Г. М. Семенов.

Молодыми сотрудниками того же института в результате исследования проблемы патриотизма и коллаборационизма в Белом движении в 1917—1945 гг. на основе сопоставления всей известной на сегодня источниковой базы показана роль личности атамана Г. М. Семенова (рис. 6).

Выявлено, что: 1) деятельность Семенова в годы гражданской войны способствовала развитию демократизации в среде казачества азиатской части России, но и определила раскол в его среде; 2) Семенов придерживался сепаратистских взглядов и неоднократно выдвигал идеи создания автономного государственного образования в Забайкалье и Приморье, которое должно в будущем инкорпорироваться в единое Монгольское государство; 3) Семенов был одним из основоположников и лидеров панмонгольского движения; 4) во внешнеполитической деятельности Семенов придерживался в основном прояпонской ориентации, полагая, что экспансионистские планы Японии не распространяются на Россию (фактов сотрудничества с японской разведкой установить не удалось); 5) Семенов, не являясь гражданином

СССР, занимал антисоветскую позицию, а будучи лидером Белого движения, сознательно вел борьбу с советской властью; 6) установлено, что обвинения, предъявленные советским законодательством атаману Г. М. Семенову в 1946 г., частично фальсифицированы, а уголовное дело в отношении его сфабриковано. Однако, с точки зрения существовавшего в СССР тоталитарного режима, он являлся военным преступником, политическим оппонентом и подлежал судебному преследованию; 7) действия ряда общественных организаций по реабилитации Семенова, наряду с другими лидерами Белого движения, как жертвы политических репрессий, неправомерны.

В Институте экономики и организации промышленного производства предложена методика анализа структуры и устойчивости региональных и местных бюджетов, суть которой заключается в использовании разработанных бюджетных коэффициентов (например, коэффициент соотношения безвозмездных перечислений и полученных доходов, коэффициент бюджетной задолженности и др.) и применении агрегированных показателей разброса, позволяющих выявить тенденции изменения бюджетных характеристик. На основании данной методики проведена группировка муниципальных образований Новосибирской области по уровню полученных (т. е. без учета финансовой помощи из бюджета области) и располагаемых (с учетом перечислений из регионального бюджета) бюджетных доходов. Выявлено, что бюджетная политика в Новосибирской области направлена на выравнивание среднедушевых бюджетных доходов муниципальных образований. Так, например, низкодоходные по полученным доходам Баганский, Барабинский, Кыштовский, Убинский и Усть-Таркский районы являются высокодоходными по располагаемым душевым бюджетным доходам (см. таблицу). Результаты анализа предельного эффекта увеличения налоговых доходов, поступающих в местные бюджеты, свидетельствуют о том, что стимулы у муниципалитетов Новосибирской области работают в направлении сохранения и развития собственного налогового потенциала.

Группировка муниципальных образований Новосибирской области по уровню полученных и располагаемых бюджетных доходов на душу населения

Группа муниципальных образований	Муниципальные образования Новосибирской области	
	Полученные доходы	Располагаемые доходы
Низкодоходная	Баганский, Барабинский, Венгеровский, Краснозерский, Куйбышевский, Купинский, Кыштовский, Убинский, Усть-Таркский, Чановский, Чистоозерный районы, г. Татарск	Болотнинский, Искитимский, Коченевский, Новосибирский, Тогучинский районы, города Барабинск, Татарск
Среднедоходная	Болотнинский, Доволенский, Здвинский, Искитимский, Каргатский, Кольванский, Кочковский, Коченевский, Маслянинский, Мошковский, Ордынский, Северный, Сузунский, Татарский, Тогучинский, Черепановский, Чулымский районы	Венгеровский, Карасукский, Каргатский, Кольванский, Краснозерский, Куйбышевский, Купинский, Маслянинский, Мошковский, Ордынский, Сузунский, Чановский, Черепановский, Чистоозерный, Чулымский районы, города Бердск, Искитим, Обь, Новосибирск
Высокодоходная	Карасукский, Новосибирский районы, города Барабинск, Бердск, Искитим, Куйбышев, Обь, Новосибирск	Баганский, Барабинский, Доволенский, Здвинский, Кочковский, Кыштовский, Северный, Татарский, Убинский, Усть-Таркский районы, г. Куйбышев

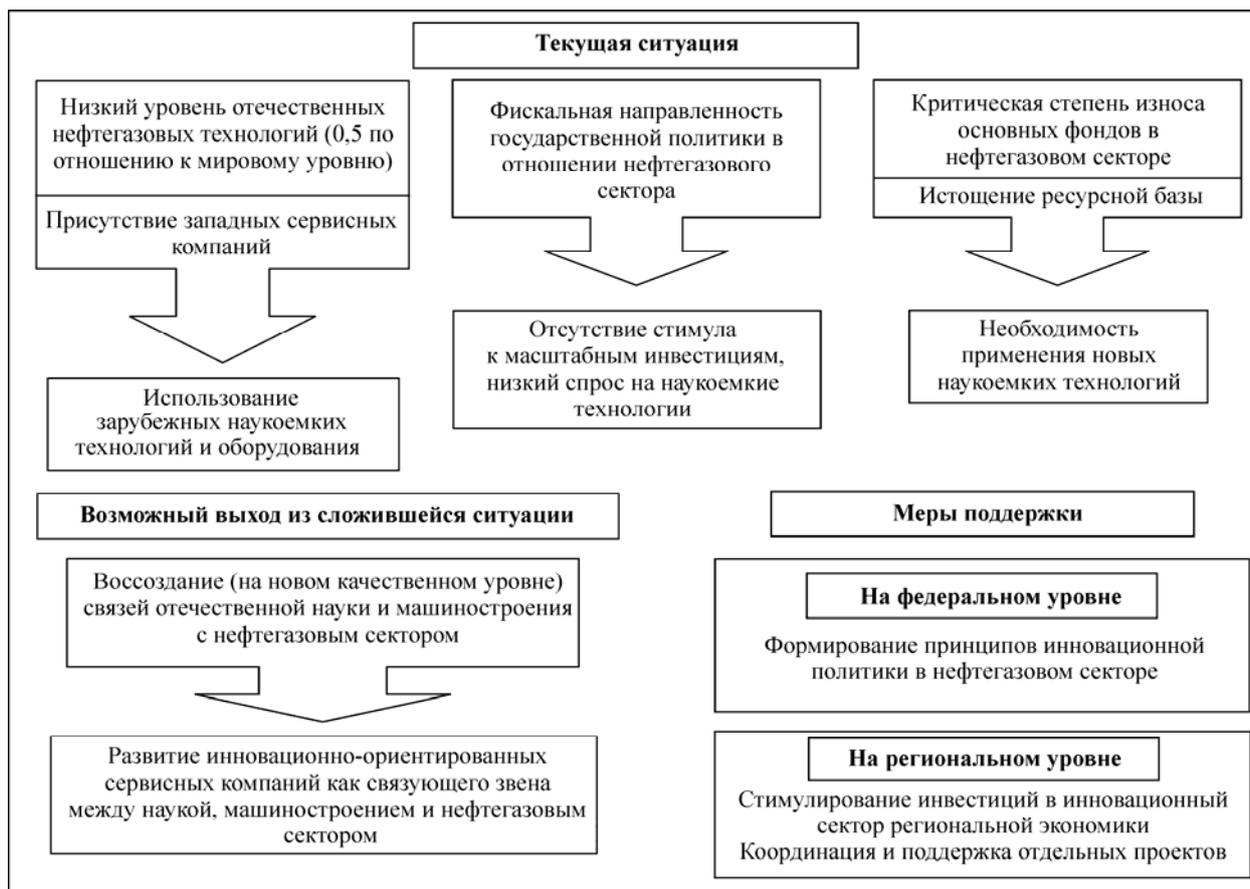

Рис. 7. Проблемы развития инновационных процессов в нефтегазовом секторе.

Молодыми сотрудниками того же института изучены проблемы формирования и развития сегмента инновационно-ориентированных сервисных компаний в нефтегазовом секторе. Показано, что в настоящее время в области развития инновационных процессов в нефтегазовом секторе России имеется ряд проблем, которые оказывают решающее влияние на процесс создания и применения в нефтегазовом комплексе новых научно-технических и организационно-экономических достижений: отсутствие системы государственных приоритетов в данной области; расширение сферы деятельности иностранных сервисных и инжиниринговых компаний; повышение роли поставок наукоемкого иностранного оборудования (даже по тем его видам, где ранее имелось конкурентоспособное отечественное оборудование); практический разрыв когда-то существовавшей связи наука—машиностроение—нефтегазовый сектор (рис. 7).

В работе проанализирован опыт становления и развития сегмента связующих инновационно-ориентированных организаций, возникающих в рамках Новосибирского научного центра и специализирующихся на разработке новых наукоемких технологий и организации производства современного оборудования и приборов для нефтегазового сектора. Опыт успешного функционирования таких компаний, как НПФ «Сиант», НПП «Луч», НПФ «Комбест» и др., показывает, что на сегодняшний день положительные примеры запуска в промышленное производство новых технологических решений реализованы только при наличии эффективной схемы взаимодействия прикладной науки и бизнеса. Только при условии интеграции всех этапов создания интеллектуального продукта (фундаментальные и научные разработки, прикладные исследования, опытно-конструкторская база и действующее производство) появляется возможность использования научно-технического потенциала г. Новосибирска для перехода к инновационному развитию российских нефтегазовых компаний на базе новых отечественных технологий и оборудования.